

Н. Е. Урушадзе

**ОПЫТ СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
БРОНЗОВОГО ПОЯСА
ИЗ МЦХЕТА — САМТАВРО**

С конца минувшего века в кавказоведческой литературе все чаще упоминаются бронзовые пояса, являющиеся типичными для археологического инвентаря погребений эпохи поздней бронзы и раннего железа (XI—VII вв. до н. э.)¹. За последние несколько лет появились специальные работы, всецело посвященные этой интересной теме².

Однако бронзовые пояса и особенно нанесенные на них изображения все еще задают трудную задачу нашей науке.

Опыт убеждает, что приблизиться к решению этой задачи можно лишь комплексным путем, используя данные и методы не только исторического, но и искусствоведческого, и этнографического, и чисто художественного анализа.

Автора данной статьи, как скульптора-анималиста, поначалу заинтересовал именно последний аспект этого вопроса, поскольку основной целью было исследование истоков и особенностей развития древнегрузинской пластики. Материалом для исследования послужили археологические коллекции, сосредоточенные в фондах Государственного музея Грузии им. С. Н. Джанашия (Тбилиси), особенно Самтавурская коллекция, содержащая исключительные по своему научному и историко-художественному значению предметы (период поздней бронзы и раннего железа — XI—VII вв. до н. э.).

Изучаемые бронзовые пояса были очень сильно повреждены, и автор прежде всего должен был реконструировать их первоначальный вид, а это привело к необходимости выработать соответствующую методику. Примененный автором художественно-стилистический анализ оказался весьма продуктивным и перспективным. Использование же наряду с художественным анализом аналогичных материалов, а также данных истории, археологии и этнографии направило все исследование в более широкое русло, сделало актуальным и необходимым поиск и в области семантики поясных изображений.

---

¹ R. Wirchow. *Über die Kulturgeschichtliche Stellung des Caucasus unter*, Berlin, 1895; его же, *Das Grabenfeld von Köban*, Berlin, 1883; Er. Chantre, *Recherches anthropologiques dans le Caucase*, 4 vol., Paris, 1885; J. de Morgan, *Mission scientifiques au Caucase études archéologiques et historiques*, 2 vol., Paris, 1889; П. С. Уварова, *Материалы по археологии Кавказа (далее МАК)*, вып. VIII, М., 1900; А. А. Ивановский, по Закавказью, МАК, вып. VI, М., 1911; Б. В. Фармаковский, *Архаический период на юге России*, «Материалы по археологии России», вып. 34, Пг., 1914, стр. 49.

² А. Н. Каландадзе, *Чабарухский и Пасанаурский клады*, «Тезисы докладов Первой научной сессии Душетского краеведческого музея», Тбилиси, 1965 (на груз. яз.); Т. Техов, *Бронзовые пояса Центрального Кавказа*, «Изв. Юго-Осетинского научно-исследовательского ин-та АН ГССР», вып. XIII, 1963; Дж. А. Халилов, *Бронзовые пояса, обнаруженные в Азербайджане (резюме на русск. яз.)*, «Материальная культура Азербайджана», Баку, 1962.

Семантический анализ бронзовых поясов, «прочтение» их композиции, открывает реальную перспективу — взглянуть по-новому на культуру и быт создавшего их народа.

Начнем с анализа бронзового пояса из самтаврского погр. № 281. Это погребение было вскрыто в 1947 г. археологической экспедицией, руководимой А. Н. Каландадзе. Здесь были обнаружены кроме пояса восемь глиняных сосудов, железное копье, кинжал, нож и стрела; бронзовые стрелы, пинцет, игла, кольцо, олений рог (обработанный), обломок костяного колчана, точильный камень.

Исследуемый нами бронзовый пояс изготовлен из тонкой, как бы вальцованной пластины. В собранном и реконструированном виде (рис. 1) его длина составляет 1 м 23 см, а ширина — 18 см. Прекрасно сохранился золотистый цвет металла, подернутый местами легкой дымкой благородной патины. Спиральный орнамент делит всю композицию на несколько рядов. Помещенные на концах пояса орнаментированные треугольники составляют ромбовидную фигуру.

Изображения на поясе состоят из двух частей: одна посвящена сценам охоты на туров и оленей, другая представляет собой своеобразное сочетание орнаментально-декоративных элементов, астральных знаков и линейных стилизованных изображений различных животных, среди которых главное место занимают так называемые волки-собаки. Их отличает большая голова, короткая шея, мощное тело, длинные ноги — иначе говоря, все черты, свойственные волкам, но при этом их иконографии присущи некоторые черты, свойственные собакам. Эти волки-собаки четко различаются по размерам, составляя две самостоятельные группы изображений — больших и малых волков-собак. В дальнейшем мы и будем условно называть их большими и малыми.

Аналогичные изображения зафиксированы на многих других поясах Кавказа и Закавказья, а также на ряде поясных пряжек кобанского типа, на колхских и кобанских топориках, на предметах вооружения и домашнего обихода (рис. 2).

Столь устойчивое, почти стереотипное воспроизведение образа волка-собаки находит объяснение в богатом этнографическом материале, убеждающем в том, что культ волка-собаки — тотема — представляет собой на Кавказе, в целом, и в Грузии в особенности, явление древнее³.

Сначала волк, а затем собака часто фигурируют в обрядовых действиях грузинских племен. Им приписываются самые различные свойства, возводящие их до ранга божественных существ, определенным образом вмешивающихся в ход жизни грузинских племен.

В своем исследовании, посвященном древнегрузинским религиозным верованиям, видный грузинский этнограф В. Бардавелидзе приводит много интересных фактов, подводящих к истокам подобных представлений⁴. Так, в некоторых уголках Грузии до недавнего времени соблюдали особые дни, называемые «мгелт укме» («волчьи праздники»), когда совершались магические действия, являющиеся пережитком охотничьей магии. Они включали в себя преподнесение волкам обрядовых хлебцов или же широко распространенный обычай бросать клок шерсти собаки в огонь перед отправлением на охоту⁵. «Мцеварни» — волки или собаки, о которых пишет В. В. Бардавелидзе, вводят нас в мир уже сложившихся религиозных представлений.

«К мцеварни обращались непосредственно или через свое местное божество перед отправлением в далекие путешествия или против вра-

³ Ш. Я. Амиранашвили, История грузинского искусства, 1, М., 1950, стр. 42—43; Е. И. Крупнов, Древняя история культуры Кабарды, М., 1960, стр. 44, 370; В. В. Бардавелидзе, Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен, Тбилиси, 1957, стр. 240—310.

⁴ В. В. Бардавелидзе, Указ. раб., стр. 243.

⁵ Н. С. Джанашия, Религиозные верования абхазов, «Христианский Восток», 1915, IV, стр. 107.

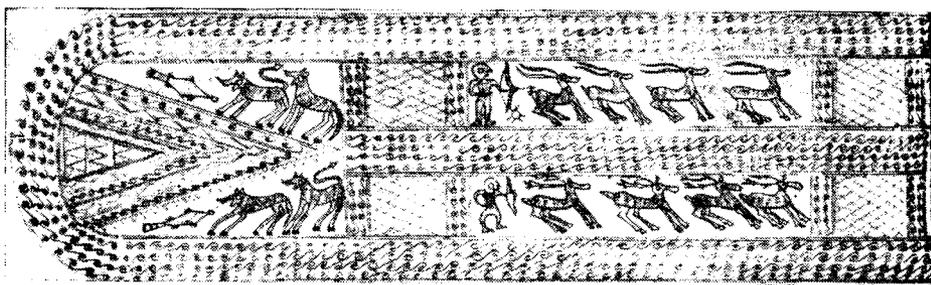

Рис. 1. Бронзовый пояс из погр. № 281

га, а также и в другие опасные для жизни моменты». И далее: «Хевсуры верили, что мцеварни немедленно отзывались на призыв оказывающегося в беде человека, в мгновение ока появлялись около него и незримо для окружающих оказывали ему помощь»⁶.

«Мцеварни неизменно сопутствовали общинным божествам при битвах, разрывая своей пастью и когтями тела противников»⁷.

Все эти и многие аналогичные примеры из мифов и других фольклорных источников⁸ рисуют нам образ волка или собаки, точнее, волка-собаки, как своего рода доброго гения человека, его охранителя. Этот образ сохранился, вероятно, еще со времен приручения волка, в котором впоследствии видели родоначальника собаки, ставшей спутником человека. И нет ничего удивительного в том, что сознание человека, еще не освободившегося от фантастических представлений о движущих силах природы и общества, приписало этому животному сверхъестественные способности, наделив его особыми функциями.

Понятно, что с изменением социального строя и хозяйственного уклада соответственно менялись и представления об этих функциях. Так, с переходом к земледелию собака стала одним из олицетворений идеал плодородия в ее самых различных формах проявления. Нечто подобное имело место, например, у трипольских земледельцев, чья керамика сохранила образ собаки, стерегущей посевы⁹, или же у хеттов, на печатках которых имеются изображения собаки, преподносящей верховному божееству дары природы¹⁰.

Для нас особый интерес представляет несколько иной аспект образа «священной собаки», связанного с земледельческими культами.

В свое время Н. Я. Марр обратил внимание на большую близость в грузинском языке слов «собака (эагI) и «вода (эгал)»¹¹. Отмечая этот интересный факт, И. Мещанинов, со своей стороны, высказал соображение, что изображения волков-собак на колхско-кобанских топориках также свидетельствуют о близости этих понятий¹². П. Уварова трактовала эти изображения как «морские чудовища»¹³. Показателен и пример гехамских каменных рыб (так называемых вишапов), на поверхности которых «проходят волнистые линии воды, а на одном обломке, кро-

⁶ В. В. Бардавелидзе, Указ. раб., стр. 49.

⁷ Там же.

⁸ Например, мифические собаки в сказаниях об Амиране, абхазском Аслане, армянском герое Арая и др.

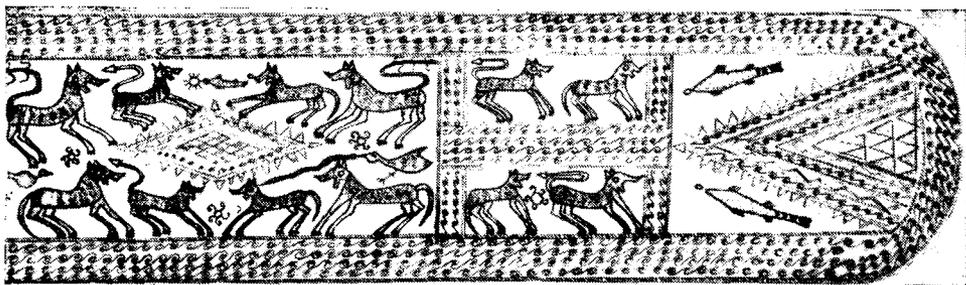
⁹ Б. А. Рыбаков, Религия и миропонимание первых земледельцев Юго-Восточной Европы (IV—III тысячелетия до н. э.), VII Международный конгресс донсторикистов и протоисторикистов. Доклады и сообщения археологов, М., 1966.

¹⁰ «Древний Восток» атлас, сост. И. Л. Снегирев, Л., 1937, стр. 43, табл. XXI.

¹¹ Н. Я. Марр, Кавказ и памятники духовной культуры, «Изв. АН», Спб., 1912, стр. 28.

¹² И. Мещанинов, Змея и собака на вещевых памятниках археологии Кавказа. «Зап. коллегии востоковедов при Азиатском музее РАН», I, Л., 1925, стр. 251.

¹³ П. С. Уварова, Указ. раб., стр. 18, фиг. 3—4.

в Самтавро. Реконструкция

ме того, имеется изображение волка-собаки¹⁴. Эти факты имеют прямое отношение к интересующим нас изображениям на поясе, вводящим нас в круг тех же представлений о волке-собаке, т. е. о существе, тесно связанном с водной стихией.

Каков же характер этой связи, в чем и как она выражена?

Если внимательно взглянуть на очертания хвостов волков-собак нашего пояса, прежде всего больших, то они скорее всего напоминают водную артерию, скажем, реку с ее характерной конфигурацией и даже с притоками и рукавами. Вероятнее всего, в данном рисунке следовало бы видеть условное изображение оросительной системы, кстати сказать, широко распространенной в Грузии с древнейших времен¹⁵; с этим же, вероятно, можно связать и штриховку, завершающую рисунок лап волков-собак. Создается впечатление, что художник хотел подчеркнуть особую функцию лап изображаемых им волков-собак — вероятно всего, увлажнение почвы, по которой они ступают. Другими словами, это обязательные атрибуты именно этих волков-собак, оправдывающие сам факт их включения в общую композицию. Но в качестве кого же? Быть может, они и есть «хозяева вод», на которых так уповали первые земледельцы?

Заметим, что данный пример далеко не единичен. Достаточно познакомиться с приводимой нами сравнительной таблицей изображений волков-собак на различных бронзовых поясах (рис. 3), чтобы убедиться в существовании традиции именно так трактовать образ волка-собаки. Правда, подобная трактовка встречается не на всех вообще поясных композициях, а на их определенной группе. Нет сомнений в том, что в нашем случае мы имеем дело с наиболее архаичной формой, поскольку рисунок здесь еще не утрачивает реального характера изображения, в то время как во всех других случаях уже присутствует сильный элемент стилизации.

Само собой разумеется, предположение, что волки-собаки играют роль «хозяев воды», требует более веских доказательств. Но искать эти доказательства надо прежде всего в образной композиции всего изображения на поясе.

Что же она представляет собой?

Нетрудно заметить, что главным связующим звеном здесь служит ромбовидная фигура, помещенная в самом центре. Слева и справа от этой фигуры расположено по две пары волков-собак, обращенных своими мордами к осевой линии пояса. Верхние пары разделены изображениями солнца и рыбы, а нижние — астрального знака. Между большими волками-собаками левых пар нанесены астральный знак и рисунок птицы, а правых — тот же астральный знак, а также змея и птица.

Показательно, что большие волки-собаки помещены только в этой центральной части композиции. Изображены они по одной и той же схе-

¹⁴ И. Мещанинов, Указ. раб., стр. 154.

¹⁵ М. К. Гегешидзе, Иригация в Грузии, «Сов. этнография», 1965, № 5, стр. 28.

Рис. 2. Изображения волков-собак: *а* — поясная пряжка из Кобани (по Р. Вирхову); *б* — колхский топорик (по Т. Техову); *в* — клад из Уде (по А. Джавахишвили и Т. Чубинашвили); *г* — клад из Уреки (по Д. Коридзе)

ме, но хвосты у них имеют различную конфигурацию. В частности, те из них, которые помещены в верхнем ряду, как раз и наделены хвостами, ассоциирующимися с водной артерией, причем своими концами эти хвосты как бы утопают в полосах орнамента, в котором сразу же можно узнать условное изображение воды. Этих волков-собак мы и имели в виду, когда говорили об изображении «хозяев вод».

У одной половины изображений малых волков-собак на кончике хвоста помещен четко очерченный треугольник. По-видимому, художник подчеркивает особую функцию этих малых волков-собак. В чем же она состоит?

Ответить на этот вопрос нам поможет сравнение с другим поясом из самтаврского некрополя, найденным в погр. № 121 и ранее исследованным автором этой статьи¹⁶ (рис. 4). Правда, здесь изображения носят несколько иной характер: это определенным образом сгруппированные быкообразные существа. Мы говорим «быкообразные», потому что в их облике сочетаются вполне реалистические черты и условные (хотя и приведенные в согласие с характерными очертаниями фигуры быка).

Так, у одного из этих «быкообразных» место рогов занял рисунок дуги-ярма и рукояти плуга; у другого — упряжь бороны; у третьего — серпов. Такая же замена произошла и с некоторыми другими частями тела. Как удалось установить, все эти «быкообразные» представляют ипостаси одного и того же образа, воплощающего идею борьбы за богатый урожай. Здесь оказались и «бык-пахарь», и «бык-сеятель», и «бык-боронящий», и, наконец, «бык-собиратель урожая». Точнее говоря, во всех этих образах был последовательно передан весь цикл земле-

¹⁶ Н. Е. Урушадзе, Опыт художественно-образного анализа и реконструкция бронзового пояса из Самтавро, «Сов. археология», 1970, № 1.

Рис. 3. Сравнительная таблица изображений волков-собак на древнегрузинских бронзовых поясах: I. *a* — пояс из погр. № 281 в Самтавро; *б* — пояс из погр. № 168 в Самтавро; *в* — пояс из Пасанаурского клада. II. *a* — пояс из погр. 281 в Самтавро; *б* — пояс из Триалети (по Б. Куфтину); *в* — тлийский пояс (по Т. Техову)

дельческого календаря. Аналогичные представления о главных земледельческих циклах сохранились в народном быту до нашего времени: у сванов, например, зафиксировано изготовление подобных фигурных обрядовых хлебцев в «дни первого плуга, и сеяния» — в праздник «Лилашуни»¹⁷.

В числе атрибутов, которые присвоены «быкообразным», пояса из самтавского погр. № 121; особый интерес представляет треугольник, помещенный на месте хвоста «быка-пахаря», в котором без труда можно узнать резак плуга. И примечательно, что точно такими же треугольниками-резаками заканчиваются и хвосты малых волков-собак на рассмотренном выше поясе из погр. № 281. Естественно возникает вопрос: какова же здесь связь, если в последнем случае мы имеем дело с существами, которые определенным образом соотносены с водной стихией? Виолне вероятно, что данный изобразительный пример отражает первоначальные представления, отраженные в долго бытовавшем в Восточной и Южной Грузии обычая «вспахивания воды», когда первая борозда проводилась плугом по руслу рек, чтобы обеспечить влагу для будущих посевов¹⁸. К подобным же действиям обращались и для магического «вызывания дождя» в период засухи. Теперь, думается, становится ясным, почему к хвостам малых волков-собак прикреплен резак плуга. Очевидно, народная фантазия наделила волка-собаку способностью регулировать процесс водоснабжения пашни с одновременной функцией «пахаря».

¹⁷ В. В. Бардавелидзе, Указ. раб., стр. 192.

¹⁸ М. К. Гегешидзе, Указ. раб., стр. 28.

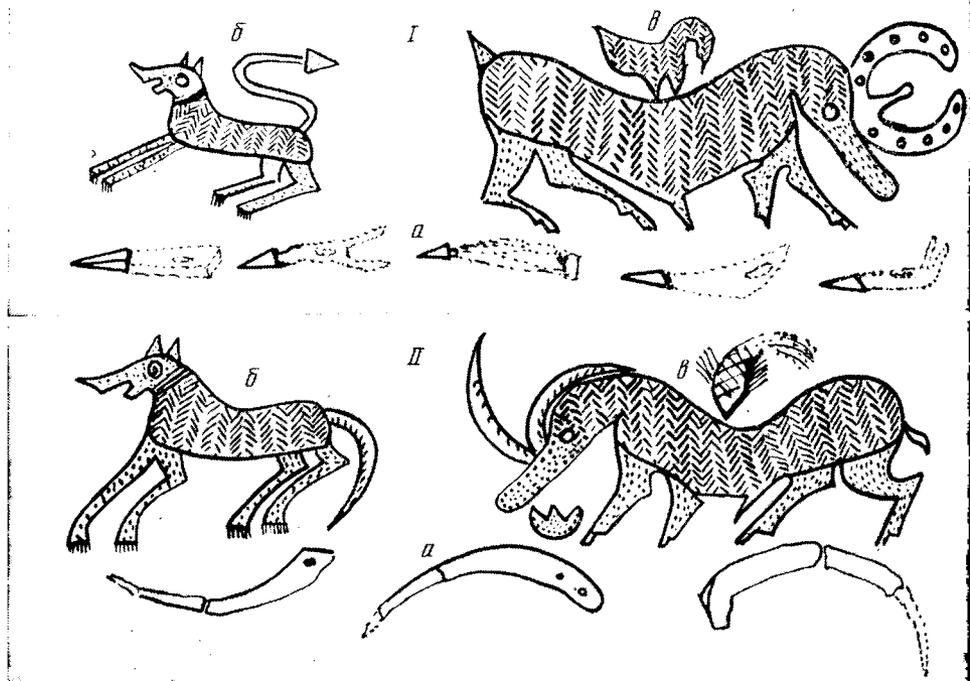

Рис. 4. I. а — резаки древнегрузинских пахотных орудий (по Г. Читая); б — изображение волка-собаки — «пахаря» на поясе из погр. № 281 в Самтавро; в — изображение «быка-пахаря» на поясе из погр. № 121 в Самтавро. II. а — древнегрузинские серпы (по Д. Коридзе); б — изображение волка-собаки с серповидным хвостом из погр. № 281 в Самтавро; в — изображение быка с серповидными рогами на поясе из погр. № 121 в Самтавро

Как уже отмечалось, «быки-собиратели урожая» несли на себе вместо рогов серпы. И на нашем поясе из погр. № 281 повторен тот же пример, только с той разницей, что два больших и два малых волка-собаки имеют хвосты в форме серпов (рис. 4), что позволяет видеть в них таких же «собирателей урожая», а вероятнее всего, в больших особях — «хозяев урожая».

Итак, можно предположить, если, конечно, рассуждать по аналогии с толкованием пояса из погр. № 121, что в рассматриваемой нами композиции обязательно должен присутствовать и образ волка-собаки — «сеятеля». Для более полного раскрытия значения сюжета необходимо обратиться здесь к образу рыбы. Изображению рыбы на поясе отводится весьма важное место. Известно, что культ рыбы имел широкое распространение в древности как в самой Грузии, так и вообще во всем Закавказье. Это подтверждают каменные громады «вишапов», которые устанавливались обычно у истоков рек или же на берегах оросительных каналов¹⁹. А в лазском орнаменте, например, изображение рыбы даже замещает «древо жизни», что свидетельствует о смысле связанных с ней представлений²⁰. Можно было бы привести много других сведений о приписываемых рыбе магических свойствах, обеспечивающих якобы плодородие²¹. Вероятно, именно этот смысл и придается изображениям рыб на поясе.

¹⁹ Н. Я. Марр, Я. Н. Смирнов, Вишапы, «Тр. Гос. Акад. Мат. культ.», т. I, 1933, М. К. Гегешидзе, Указ. раб., стр. 28.

²⁰ Т. С. Читая, Лазский орнамент, Тбилиси, 1937, стр. 319.

²¹ А. И. Робакидзе, К вопросу о некоторых пережитках культа рыбы, «Советская этнография», 1948, № 3.

В этом отношении привлекает внимание сцена в левом нижнем краю композиции. Рыба держит во рту маленький кружок, очевидно, символирующий зерно-семя. Два малых волка-собаки — «пахарь» и «собиратель урожая» — как бы выпрашивают у рыбы семена. Их усилия, надо полагать, не пропадают даром: рыба перемещается в верхний левый угол пояса, а затем ее изображение снова возникает в центральной части, но уже, как мы это видели, в сочетании с солярным знаком. Здесь, видимо, и разыгрывается главное действие, что подчеркнуто сосредоточением больших и малых волков-собак вокруг ромбовидной фигуры.

Теперь уместно напомнить, что последняя вообще считается одним из древнейших символов плодородия, а покрывающий ее шахматный орнамент — условным начертанием обрабатываемых полей²². Если при этом учесть, в каком именно порядке размещены все волки-собаки вокруг ромбовидной фигуры, то не так уж трудно будет установить и того из них, кто является носителем функции «сеятеля» — малого волка-собаки, находящегося в верхнем ряду справа.

Как видим, художник не без умысла поместил «пахаря», «оросителя», «сеятеля» и «собирателя урожая» в непосредственной близости к ромбу — объекту их деятельности. Определенную цель он преследовал и тогда, когда за ними поместил больших волков-собак — «хозяев вод». Присев на задние и широко расставив передние лапы, выдвинув вперед мощную грудь и «повелительно» лая, они кажутся существами, занимающими гораздо более высокое положение, чем малые волки-собаки.

Все то, что описывалось до сих пор, как бы завершает полный цикл земледельческого календаря, но это отнюдь не исчерпывает роли волков-собак и остальных участников изображаемого на поясе действия. Далее мы видим, как выращенное зерно уволакивает змея, передав его птице. Возможно, именно с помощью последней оно вновь попадает к рыбам, но уже находящимся на правом краю пояса, к которым устремились малые волки-собаки, встречая, однако, водную преграду в виде полоски спирального орнамента. Вероятнее всего, что вся эта сцена посвящена «подготовке» к новому посеву, «выпрашиванию» в этих целях у рыб новых семян. Культ змеи и птицы прослеживается на Кавказе с древнейших времен. Во многих народных сказаниях они составляют сложные образы змеи «гвелешапа» и птицы «паскунджи», которых народная фантазия наделила мудростью, волшебством, связью с потусторонним миром и другими сверхъестественными свойствами²³. В Грузии обнаружены захоронения, где рядом со скелетом человека находят несколько скелетов змеи. Изображение змеи часто встречается на керамических сосудах, найденных в Самтаврских погребениях, — видимо, они служат оберегом содержимого сосуда. Птицам посвящены в земледельческих обрядах весенние праздники «кашатоба» — «дни птиц»²⁴, когда для них специально готовят пшеничную кашу.

Наконец, об астральных знаках, несколько раз встречающихся в композиции. Тот из этих знаков, который помещен над ромбом, — кружок с расходящимися линиями — обычно воспринимается как солнце,

²² Б. А. Рыбаков, Космогония и мифология земледельцев энеолита, «Сов. археология», 1965, № 1, стр. 32.

²³ М. Джанашия, Поверья грузин Телавского уезда, «Сб. материалов для описания мест и племен Кавказа», вып. 17, Тифлис, 1893, е го же, Сванские сказания, там же, вып. 32, Тифлис, 1903; «Сказки горских племен», собрал Измаил-Бей Мутушев, там же; М. М. Машурко, Из области народной фантазии и быта, там же; И. Кобалия, Из мифической Колхиды, там же, стр. 111—115; И. Кобалия, Менгрельские предания и поверья, там же, стр. 117, 123; И. Степанов, Народные приметы, разные способы гадания и некоторые поверья мингрельцев, там же; В. Ломинадзе, Из народной словесности у имеретин, там же, вып. 9, Тифлис, 1890; «Народные сказки, собранные в Кахети и Пшавии», сост. Т. Разикашвили, Тифлис, 1909 (на груз. яз.); М. Я. Чиковани, Народный грузинский эпос о прикованном Амირани, М., 1966.

²⁴ Н. Ш. Чиджавадзе, Горное земледелие (полеводство в Аджарии), автореферат канд. дис., Тбилиси, 1966.

излучающее тепло и свет. Другие же, у которых лучи нарочито округлены, что могло быть сделано только лишь для различия между ними и солнечным знаком, тоже, по-видимому, символизируют небесные светила²⁵.

До сих пор мы сознательно не касались сцены охоты, изображенной в левой части пояса. Она состоит из двух рядов, которые разделяет спиральный орнамент. В верхнем ряду четыре бегущих тура и охотник, стреляющий из лука, в нижнем — четыре бегущих оленя и снова охотник с луком. Эти изображения как бы вклинились между левым краем пояса и его центральной частью. Известная самостоятельность всей охотничьей сцены подчеркнута и ограничивающими ее вертикальными полосами того же спирального орнамента. Взятая сама по себе, вся эта сцена имеет много совпадений в других районах Грузии, Азербайджана, Армении, Юга Осетии. Сделано много находок с аналогичными изображениями на поясах. Но как объяснить включение ее в совершенно иную по своему смыслу и характеру композицию, отражающую мировоззрение людей, уделом которых стала не охота, а земледелие?

Как видно, в данном случае художник решил отразить все жизненно важные отрасли хозяйственного быта грузинских племен, а охота в это время все еще продолжает быть важной отраслью хозяйства, хотя уже и не ведущей.

Выше отмечалось большое сходство некоторых изображений на исследуемом поясе с изображениями на топориках колхско-кобанского типа. После всего сказанного создается возможность установить еще более тесную генетическую связь между этими памятниками эпохи поздней бронзы и раннего железа.

Е. Кагарову принадлежит догадка, что топор — это «могущественный талисман, ниспосылающий плодородие и потому часто употребляемый в брачном ритуале»²⁶. Мы обнаруживаем на колхско-кобанских топориках не только весь мир образов, связанных с плодородием, но, в частности, тех же волков-собак, а также совершенно идентичные приемы построения этих образов.

В обоих случаях фигурируют характерные очертания орудий труда или же их частей, и, что самое важное, именно в таких же сочетаниях и символикe. Это раскрывает новые перспективы как в установлении семантики самих изображений, так и в изучении вообще художественного производства соответствующего времени и этнического круга. Научное значение этого трудно переоценить, поскольку в этой области есть еще много чисто описательных констатаций и сопоставлений по внешнему сходству.

Результат семантического анализа пояса из Самтавро, относящегося к периоду поздней бронзы и раннего железа (XI—VII вв. до н. э.), дает основание предполагать, что в быту племен, создавших эти произведения искусства, важнейшее место занимало орошаемое земледелие. Этот вывод, полученный на основании «прочтения» художественно-образной символики, подкрепляет положение о значении орошаемого земледелия в районе Мцхеты, полученного на основании собственно археологического материала²⁷, и представляет реальную перспективу увидеть по-новому культуру и быт создавшего их народа.

²⁵ И. Сургуладзе, Некоторые вопросы семантики грузинского народного орнамента, «Сабчота Холевнеба», 1966, № 12 (на груз. яз.).

²⁶ Е. Кагаров, Культ фетишей растений и животных в древней Греции, СПб., 1913, стр. 45.

²⁷ Т. Ф. Гобеджашвили, Археологические раскопки в Советской Грузии, Тбилиси, стр. 57, 58, 80 (на груз. яз.); Т. Н. Чубинишвили, Погребение на молотильной доске, «Сообщ. АН ГрузССР», 1951, т. XIII, № 1 (на груз. яз.); Г. А. Меликишвили, К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959, стр. 27, 451; А. М. Апакидзе, Т. Ф. Гобеджашвили, А. Н. Каландадзе, Т. А. Ломтатидзе, Мцхета, I, Тбилиси, 1958.